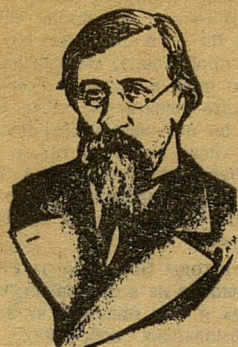


К 150-летию со дня рождения



Н. Г. Чернышевского

тов, предшественников Чернышевского (не только, разумеется, Гоголя, но и Пушкина).

Не оторвавшись от традиций, роман «Что делать?», однако, стал уникальным явлением в русской литературе. Черты этой уникальности — в особом сплав реалистических и романтических стихий, а главное, конечно, в необычайности «новых людей», о которых прежде всего и рассказывает эта замечательная книга.

Тут — необычайность во всем. Необычен духовный мир этих людей, достаточно эмоциональный, но возбуждающий наш особый интерес своей интеллектуальной стороной. Чувство свободы, которое движет поступками героев, объединено с силой разума, с глубоким пониманием того, что все формы несвободы лишают человека счастья, порабащают его, уничтожают как личность.

зительный художественный эффект — свидетельство творческой свободы автора — составляет одно из достижений Чернышевского-писателя, его новаторский шаг в литературе, продемонстрировавший широкие возможности политического, общественно-философского романа. Ничего подобного «новым людям», особенно Рахметову, мировая литература не знала.

Роман «Что делать?» и в своем содержании, и в нравственно-воспитательной функции — явление значительное и сложное. На это указывает и замечательная ленинская оценка романа: «Под его влиянием сотни людей делали революционером». Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня **всего глубоко перепаял...** Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь».

ступков которого выступают одновременно и реакционные политические претензии, и, по чернышевскому термину, животворение с его отрицательными внешними проявлениями. В другом случае — целая панорама уродливых семейно-нравственных отношений в дворянской провинциальной семье.

Но значение многих содержательных пластов в романе, конечно, разное. На первом плане, несомненно, то, что делает «Пролог» замечательным художественно-историческим документом. Первая часть романа — «Пролог пролога» — несет в себе непосредственную функцию воссоздания идейной жизни в середине прошлого века. Именно это и позволило В. И. Ленину, высоко ценившему роман, обращаться к нему как к источнику самых объективных сведений об эпохе и историческом мышлении Чернышевского.

сказать, двойная речевая активность: автора и персонажей.

Образ Волгина как бы влияет на самый тип повествования. Волгин совмещает в своем сознании и своих интересах две несхожие сферы жизни — политическую и лично-семейную. К примеру, его ирония насчет «нетерпеливости», «экзальтации» французских республиканцев в 1839 году возникает во время разговора о частной судьбе юной Илатонцевой — и это не только не кажется стиливой дисгармонией в «Прологе», но выступает чуть ли не стиливой «нормой».

Поэтому, скажем, не встречаю внутреннего читательского сопротивления страницы второй части романа («Из дневника Левицкого...»), где с художественной смелостью поставлены в тесную эмоциональную связь, казалось бы, совсем разные чувства и мысли Левицкого; отношение к идеям Волгина и любовь к девушке.

Содержательная функция образа Волгина находит самое неожиданное проявление в стиливом многообразии «Пролога». Но, бесспорно, она важна прежде всего сама по себе. Волгин персонажирует наиболее серьезные авторские идеи, подчас глобальной своей.

Мысли Волгина о неизбежности будущей народной революции направлены на максимально широкие обобщения.

Авторский замысел и его воплощение в «Прологе» дают все основания говорить о подвиге Чернышевского-художника. Писатель в романной форме решил дать ответы на горячие политические вопросы своего времени. Торжество реакции после 1862 года порождало среди некоторой части интеллигенции настроения упадка и индифферентизма, порождало «теорию», его оправдывающую. Роман Чернышевского предлагал искать новые формы политической борьбы, готовить новые формы общественной и нравственной жизни.

Чернышевский, осуществляя великие идеологические цели, с полной ответственностью перед искусством не пытался отступить ни от его общих законов, ни от классической традиции русской литературы. И субъективные авторские намерения, и объективные эстетические результаты «Что делать?» и «Пролога», уникальные соединения политики и художественности чрезвычайно обогащают традиции реализма.

Все, что сделал Чернышевский как художник после «Пролога», в 70—80-е годы, еще далеко не определено историками литературы в полной мере; богатая тематическими и жанровыми особенностями, эта часть его художественного наследия еще ждет своего умного и заинтересованного исследователя. И драматическая миниатюра «Мастеришка варить кашу», и психологические повести «История одной девушки» и «Вечера у княгини Старобельской» даже при самом белом взгляде на них выступают убедительным свидетельством связи художественного творчества великого мыслителя и революционера с лучшими явлениями нашей отечественной литературы.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ-ХУДОЖНИК

П. НИКОЛАЕВ.

доктор филологических наук, профессор

Исключительно оригинальна по своей художественной цели композиционная форма романа, особенно его сюжет. Принято думать, что Чернышевский обратился к «семейному» сюжету единственно в целях маскировки идейного замысла. Разумеется, опасения перед цензурой имели место: поэтому в романе и нет прямого изображения революционной деятельности и поэтому столь таинствен Рахметов.

Но не в этом суть поэтики романа, а мысль о том, что автор маскирует «семейным» сюжетом революционную проблематику, не раскрывает оригинальности нравственных идей Чернышевского. Великому просветителю и революционеру важно было сказать: социализм, приход к которому возможен только через революцию, это и есть воплощение истинно человеческих потребностей — в свободном труде, в любви, в личном счастье.

Роман о революции и одновременно роман о любви — таковы смысл и поэтика «Что делать?». Все движется в романе любовью героев, она стимулирует благородный поступок Лопухова, освобождающего Верочку из «подвала» мешанской жизни, она создает особую, вдохновенную жизнь Кирсанова и Веры Павловны, она символически персонажирует будущее братство в коммунистическом мире.

Как высшее выражение интеллектуальной силы и глубокой человечности нового типа людей выступает в романе Рахметов, олицетворяющий собою идею революции.

Художественная функция этого образа удивительна: почти не участвуя в сюжете, он активно влияет на читателей. Этот пора-

Роман «Что делать?», как известно, был написан Чернышевским в Петропавловской крепости в 1862—1863 годах. Вскоре там же писатель создает «Алферьева», «Повести в повести», а также «Мелкие рассказы». Они дали Чернышевскому еще больше оснований сопоставлять свой художественный опыт с классическим. Он видит генезис многих изображенных характеров и сюжетных мотивов в гоголевском творчестве.

Позднейший, «ссылный» период творчества Чернышевского это подтверждает также. Но и здесь писатель снова выступает новатором. Самое яркое подтверждение тому — роман «Пролог». Это явление феноменальное по проблемной и жанровой «полифонии», синтезу разных стилей. Проблемы острополитические и сугубо семейно-бытовые, сюжетная многолинейность — все это, однако, составляет оригинальное художественное единство. Заостренно изображены политические диспуты в столице, с яркой предметной насыщенностью даны нравоописательные картины провинциальной жизни — между всем этим разнородным художественным материалом протягиваются эмоциональные нити: все разнovidности авторского пафоса — ирония, трагизм, героика — тесно связаны.

И в «городской», и в «деревенской» тематике романа видно гоголевское начало. В первом случае — сатирическая grotesкность в изображении либеральной и реакционной среды. Так, например, комически-сатирический эффект виден в образе графа Чаплина, мотивами по-

Содержание и эстетическую специфику романа лучше всего можно понять, рассматривая его центрального персонажа — Волгина, в котором бесспорны автобиографические черты. Это идеолог, чей конфликт с либеральной и консервативной средой создает основной сюжетный динамизм повествования.

Волгин — мыслитель, который глубоко осознал трагедийность многих освободительных движений в прошлом: в их основе были утопические надежды, политические иллюзии. Какова его программа? Новая революционная тактика — тщательно, последовательно готовить массы к борьбе. Этим и определяется роль Волгина в духовном формировании его молодых единомышленников.

Для принципов Чернышевского-художника очень показательно, что Волгин, выполняя «учительскую» функцию по отношению к другим действующим лицам, предстает перед читателем живой, динамичной личностью.

В богатой типологии других характеров «Пролога» видна отчетливая дифференциация форм и уровней «диалектики души». Естественно, что чем дальше отстоит персонаж в своем духовном развитии от Волгина, тем большую эволюцию он претерпевает, если он только, так сказать, «заслуживает», с точки зрения Волгина, такой эволюции.

Подобная содержательная функция образа Волгина в романе частично определяет структуру «Пролога», особенно ее примечательный элемент — диалог. Роман чрезвычайно диалогически активен. Здесь, можно

САМ Чернышевский много думал о своем художественном творчестве. Только что закончив роман «Что делать?», он записал: «Я видел, что я не изображаю своих знакомых, не копирую, — что мои лица столь же вымышленные лица, как лица Гоголя...».

«Проверяя» свои художнические способности аналогиями с гоголевскими образами, Чернышевский постоянно думал о самом главном в творчестве Гоголя. А главное — это творческий метод, реализм со всеми его особенностями: социальный и психологический детерминизм, обязательность художественных мотивировок и т. д.

Внимательный анализ романа «Что делать?» побуждает сказать: многое здесь — художественные характеры, стиль, авторская интонация — связано с гоголевской поэтикой, с методом Гоголя. Даже Рахметов, образ которого не слишком детализирован эстетически и объяснен, в принципе дан в соответствии с законами реализма.

В реалистическом же воссоздании мира Сторешниковых и Розальских и вовсе невозможно сомневаться: это гоголевский мир, здесь «торядак тот, чтобы обирать да обманывать», то есть правила, по которым живут гоголевские персонажи.

А это разве не гоголевская поэтика? Петровна видит на Серге две звезды, которых на самом деле на нем не было? Гоголь говорил о том, что существует «электричество чин», в психологии людей он может играть «управляющую» роль, путая, гиперболизируя представления, рождая чувства страха и т. п.

Правда, Чернышевский в «Что делать?» только подошел к этой теме и соответствующей ей поэтике, но впоследствии, в романе «Пролог», «электричества чин» будет выполнять много функций.

Стиль «Что делать?» вызывает немало ассоциаций с приемами повествования у классиков. Авторская ирония, сатирический образ «проницательного читателя» — характерные примеры. Самавольная композиция романа, авторские отступления с их традиционной активностью оценки — все это находит соответствия в опыте великих реали-